

КЪ СВѢТУ.

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

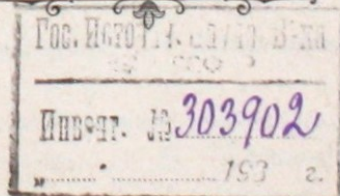
Ек. П. Лѣтковой и В. Д. Батюшкова.

ИЗДАНИЕ

Комитета Общества доставленія средствъ С.-Петербургскимъ
Вышимъ Женскимъ Курсамъ.

Съ иллюстраціями и приложеніемъ: Отраженія женскаго движенія въ
русской живописи за послѣднюю четверть вѣка (снимки съ картинъ
художниковъ: Вл. Е. Маковскаго, И. Е. Рѣпина, бар. М. П. Клодта, Е. Д.
Полѣновой, И. А. Матвѣева, В. И. Сурикова, Н. А. Ярошенко и др.).

Цѣна 4 рубля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

...том же, что и в других странах, но с особенной силой в Англии. В Англии он был особенно популярен, и его идеи были приняты с особенным интересом. В Англии он был особенно популярен, и его идеи были приняты с особенным интересом.

О ТОМАСѢ КАРЛЕЙЛѢ.

(О черкъ).

За послѣднее время весьма замѣтно оживился интересъ къ замѣчательному англійскому мыслителю — Томасу Карлейлю: не такъ давно вышелъ прекрасный переводъ по русски «Sartor Resartus'a», одного изъ характернѣйшихъ произведеній карлейлевскаго ума; ¹⁾ почти одновременно появились и переводы нѣкоторыхъ другихъ его работъ (его исторія французской революціи переведена была на русскій языкъ уже давно). Въ Англии, въ Германіи, — меньше во Франціи, — не перестаютъ въ послѣдніе годы писать о немъ. Еще совсѣмъ недавно, напримѣръ, въ лучшемъ изъ специальныхъ органовъ, посвященныхъ разработкѣ вопросовъ англійской литературы и филологіи, въ нѣмецкомъ журналѣ «Anglia», за 1903 г., появилось обширное изслѣдованіе Фрвальта Кюлера подъ названіемъ «Карлейль и Шиллеръ», гдѣ дѣлаются любопытнѣйшія сопоставленія между духовнымъ міромъ и творчествомъ обоихъ поэтовъ (потому что Карлейль тоже былъ поэтомъ, хотя писалъ прозою).

Чѣмъ же можно объяснить этотъ неумирающій, — напротивъ, какъ бы все углубляющійся съ годами интересъ къ англійскому философу-художнику? Въ предлагаемой краткой замѣткѣ мы хотимъ пояснить читателю, еще совсѣмъ незнакомому съ Карлейлемъ и желающему воспользоваться для ознакомленія съ его идеями — новыми переводами его работъ на русскій языкъ, — что этотъ интересъ къ геніальному англичанину не есть дѣло скоропреходящей моды; что и въ западной Европѣ, и у насъ Карлейль дѣлается роднымъ интеллигентному обществу не даромъ. Бѣлинскій говорилъ, что рано или поздно всякій писатель станетъ на свою полочку: мы и хотимъ въ самыхъ общихъ, немногихъ чертахъ пояснить, почему «полочка», на которой стоитъ теперь Карлейль, оказалась такъ высока.

¹⁾ См. нашу замѣтку объ этомъ переводѣ въ „Мірѣ Бож.“, августъ 1902 г.

I.

Карлейль родился въ 1795 году, а умеръ въ 1881. Писать онъ началъ рано и писалъ очень много и по самымъ разнообразнымъ вопросамъ: онъ былъ и историкомъ, и литературнымъ критикомъ, и публицистомъ и философомъ. Это былъ умъ необыкновенно разносторонній и отзывчивый; онъ присматривался и къ прошлому, и къ пестрому калейдоскопу настоящаго, и къ человѣческимъ дѣламъ, и къ человѣческому творчеству, и къ звукамъ и краскамъ природы съ тою жадностью, съ тѣмъ «удивленіемъ», которое Шопенгауэръ называлъ философскимъ. Онъ пришелъ въ міръ съ умомъ, который до конца дней его, остался свободнымъ, непорабощеннымъ и непорабощаемымъ. Нельзя даже сказать, что онъ обязанъ этой свободой ума—своей энергіи, что онъ за эту свободу боролся, отстаивалъ ее—этого не было: просто, по основному свойству своему, его умъ всегда оставался зрителемъ, наблюдателемъ, стремившимся осмыслить и сутолоку людскихъ страстей, и мощную таинственную жизнь природы. Но этотъ наблюдатель не былъ спокойнымъ и безстрастнымъ: нѣтъ, быть можетъ, въ европейской литературѣ болѣе лирическаго философа, чѣмъ Карлейль. Онъ приступаетъ къ предмету,—нетерпѣливо и порывисто, но никогда не предвзято анализируетъ его и ужъ потомъ оцѣниваетъ. Но каковъ же критерій оцѣнки? Этотъ критерій всегда сложенъ и всегда самостоятельно выработанъ; Карлейль жилъ всегда въ умственномъ одиночествѣ, ничуть его не тяготившемъ и составлявшемъ его потребность,—въ этой-то тишинѣ одиночества онъ и вырабатывалъ свои критеріи, воздвигалъ теоріи, вынашивалъ идеалы.

Тѣмъ въ своемъ этюдѣ о Карлейлѣ ¹⁾ говорить, что его читаешь съ весьма странными впечатлѣніями и чувствами,—пока, наконецъ, не придешь къ заключенію, что находишься предъ необыкновеннымъ существомъ, «обломкомъ погибшей расы, своего рода мастодонтомъ, заблудившимся въ мірѣ, который для него не созданъ». Это впечатлѣніе, дѣйствительно, все нарастаетъ и нарастаетъ, по мѣрѣ знакомства съ его колоссальнымъ литературнымъ наслѣдіемъ. И не въ причудливыхъ оборотахъ стиля, не въ неожиданности ассоціацій, не въ внезапности лирическихъ отступленій нужно искать разгадку такого впечатлѣнія, а именно въ томъ, что предъ нами является человѣкъ, для котораго мы, и дѣла наши, и мысли, и предшественники наши нужны, важны и инте-

¹⁾ L'Idéalisme anglais, Étude sur Carlyle (Paris 1864).

ресны, какъ объектъ анализа, объектъ тѣхъ или иныхъ чувствъ (чаще всего—тревоги, горячаго сожалѣнія, иногда—удивленія), и только какъ объектъ. Онъ ничего не хотѣлъ заимствовать у людей, а приходилъ къ нимъ, уже зная, чего ему отъ нихъ нужно, и когда ему считать себя удовлетвореннымъ ими, а когда неудовлетвореннымъ. Онъ восторгался Гете (который тоже уважалъ его); онъ любилъ, тонко цѣнилъ и детально зналъ нѣмецкую литературу, зналъ ее больше всякаго другого англійскаго писателя; онъ глубоко вдумывался въ христіанство, — но во всѣхъ этихъ сильныхъ духовныхъ впечатлѣніяхъ, во всѣхъ этихъ значительныхъ умственныхъ встрѣчахъ онъ искалъ, находилъ и усваивалъ — лишь то, что гармонировало съ его собственными, выношенными въ одиночествѣ идеями и идеалами.

Въ этой совершеннѣйшей самостоятельности ума и лежитъ одна изъ причинъ огромнаго значенія и вліянія Карлейля: ему *вѣрили*. Вѣрили не въ безошибочность его сужденій, вовсе нѣтъ; школы никакой онъ не создалъ, съ нимъ рѣзко спорили и много его критиковали, — но вѣрили въ свѣжесть, незаинтересованность его мысли и его оцѣнки, въ то, что этотъ откуда-то издалека всегда приходящій человекъ отмѣтитъ такую черту въ разсматриваемомъ предметѣ, какой никто кромѣ него не отмѣтитъ. Всякій историкъ всегда скажетъ, что историческія показанія иностранцевъ о той или иной странѣ нужно читать внимательно, даже если съ первыхъ же страницъ явствуется, что авторъ не совсѣмъ понялъ истинный смыслъ описываемыхъ чужихъ учрежденій, чужихъ нравовъ и событій: ибо вдругъ, неожиданно, можно набрести на такое замѣчаніе, которое освѣтитъ многое, и которое могло вырваться только у иностранца, а не у туземцевъ. Важно, чтобы предметъ *не примелькался* взору, и иностранецъ, обладающій, по существу дѣла, относительно чужихъ обстоятельствъ такимъ взоромъ, — можетъ дать поучительное показаніе.

Сознательно или безсознательно, общество отъ Карлейля и привыкло ждать именно такихъ показаній; его взору не примелькались ни капитализмъ и рабочій вопросъ, когда онъ писалъ о чартизмѣ, — рабочемъ движеніи въ Англіи 1838—1848 г.г.; ни вѣчные вопросы о міровыхъ тайнахъ, когда онъ творилъ Sartor Resartus'a; ни общеизвѣстные историческіе факты, когда онъ думалъ о герояхъ и героическомъ въ исторіи. О чемъ бы ни заводилъ онъ рѣчь, — всѣ напередъ могли знать, что будетъ сказано что-то пока не выговоренное и значительное; что на предметъ устремленъ ясный, незатемненный взоръ; что будетъ предъявленъ совсѣмъ новый, часто неожиданный критерій, и что результатовъ испы-

танія на этомъ новомъ пробномъ камнѣ нельзя и предвидѣть. Въ *ожиданіи* всего этого и коренится, повторяемъ, одна изъ причинъ непреходящей прелести Карлейля.

II.

Одна изъ причинъ,—но не единственная и, быть можетъ, даже не главная. Каковы же другія?

Карлейль не принадлежалъ къ опредѣленной политической партіи: онъ, вообще, всегда стоялъ далеко отъ общественной жизни и, сравнительно съ общей многотомной массой написаннаго имъ, чрезвычайно рѣдко брался за непосредственно-очередные политическіе вопросы. Но въ первый же разъ, когда онъ написалъ большой политическій трактатъ на злобу дня (о чартизмѣ), впечатлѣніе, произведенное имъ, было таково что поколѣніе, пережившее ту эпоху (конецъ 30-хъ г.г. и начало 40-хъ уже о немъ никогда не забывало. Онъ сумѣлъ подчеркнуть то, чего очень многіе не видѣли и не понимали въ пылу борьбы; онъ съ почти пророческой силой выдвинулъ впередъ тотъ принципъ, что нѣкоторые вопросы общество *должно* разрѣшить, *не можетъ* отдѣлаться отъ нихъ внѣшними средствами; что оно *морально* не въ состояніи благополучно существовать, не поставивши на правильный путь извѣстное развѣдающее его броженіе; наконецъ, что правильнымъ путемъ можетъ быть только путь справедливости и человѣческаго братства. Онъ угрожалъ не только настоящимъ, но и будущимъ; онъ показывалъ призракъ духовнаго омертвѣнія, призракъ своего рода рецидива варварства. Конечно, судьбы чартизма не обусловились и не могли обусловиться впечатлѣніемъ отъ книги Карлейля; но самое впечатлѣніе было подавляюще-сильно. Оно было особенно ярко еще и потому, что ни къ какой политической партіи Карлейль не примыкалъ: вышедшая незадолго до того книга его о французской революціи не понравилась ни роялистамъ, ни умѣреннымъ, ни крайнимъ революціонерамъ. Онъ вмѣшался въ болѣзненно-обостренный кризисъ своего времени не затѣмъ, чтобы сыграть въ этой бурѣ активную политическую роль; не затѣмъ, чтобы предложить свои услуги рабочимъ, или вигамъ, или торіямъ. Своей книгой онъ говорилъ и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ слова напоминанія; онъ какъ будто пришелъ въ родной домъ, увидѣлъ, что оставленные имъ братья бросаются съ ножомъ другъ на друга—и бросился разнимать и увѣщевать ихъ, обращаясь больше всего къ тому, къ кому было полезнѣе обращаться, т.-е. къ болѣе сильному. Въ социальной жизни событія подобными дѣйствіями не

мѣняются; ветхозавѣтные пророки не измѣнили ни скорбью своей, ни радостью—судебъ своего народа, не усилили его и не ослабили Вавилона; Августинъ не устроилъ «Божьяго государства» на землѣ; Савонарола не очистилъ папства. Но и пророки, и Августинъ, и Савонарола—говорили слова, которыя глубоко запали въ мысль цѣлому ряду поколѣній. Говорилъ запоминающіяся слова и Карлейль. Гете, умершій еще когда Карлейль, въ сущности, не смотря на свои тридцать семь лѣтъ, только начиналъ писательскую карьеру, когда еще его совсѣмъ не знали,—сказалъ, что Карлейль будетъ «новой въ Европѣ моральной силой, размѣры которой нельзя предвидѣть, но которая должна быть велика и можетъ быть неизмѣрима»¹⁾. Эта сила и оказалась велика; Гете по обыкновенію, не ошибся. Карлейль стоялъ за справедливость въ людскихъ отношеніяхъ не умомъ только, но всей природой своей. Личныя классовыя, національныя соображенія—все отходило у него на задній планъ предъ постояннымъ нетерпѣливымъ и часто гнѣвливымъ желаніемъ обнаружить ложь и горе тамъ, гдѣ снаружи все благообразно и благополучно. И при этомъ одно изъ впечатлѣній оставалось такое, какъ будто онъ всякое зло больше приписываетъ ошибкамъ, чѣмъ сознательному умыслу; какъ будто, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ полагаетъ, что водвореніе добра и правды—будетъ одно для всѣхъ; что интересы людей совпадаютъ. Онъ это не всегда говорилъ и иногда говорилъ не то, но отмѣченное впечатлѣніе—получается послѣ прочтенія значительной части его трудовъ. Ошибочно ли подобное воззрѣніе на людей и ихъ интересы другой вопросъ. Но давно уже замѣчено, что люди любятъ, чтобы ихъ считали лучше, чѣмъ они есть,—и что это иногда даже возвышаетъ и очищаетъ ихъ. И уроки Карлейля слушали съ жадностью и волненіемъ. Въ немъ любили и вѣрныя его сужденія, и его ошибки; его вмѣшательство въ общественную борьбу—не вліяло на ея ходъ и конецъ, но напоминало о важномъ и забытомъ, смущало и волновало этимъ напоминаніемъ, и хоть на моментъ, на одну паузу, на одну передышку борющимся начинало представляться, что, можетъ быть, и не навсегда слова о человѣческомъ братствѣ осуждены оставаться только въ молитвенникахъ.

Онъ не былъ моралистомъ, и не хотѣлъ морализировать; онъ показывалъ, предавался лирическимъ изліяніямъ, сердился, грозилъ, предупреждалъ—но морализированіе, какъ цѣль,—было ему чуждо. Но онъ носилъ въ себѣ добро и нравственную чистоту,—и вносилъ ихъ туда,

¹⁾ Froude, „Th. Carlyle, a history of his life in London“, vol. I. стр. 98 (New York, 1884).

гдѣ о нихъ забыли и думать. Нелѣпыми, произвольными кажутся многія постановки имъ историческихъ и иныхъ вопросовъ; неожиданною представляется иногда страстность и восклицанія, когда рѣчь идетъ о далекомъ прошломъ, объ истлѣвшихъ въ гробѣ дѣятеляхъ,—но все вмѣстѣ, все дѣло жизни Карлейля даетъ свой результатъ: читатель какъ то чувствуетъ, что, говоря лермонтовскими словами, «миръ мечтою благородной предъ нимъ очищенъ и омытъ». И за это носителя мечты любили и любятъ, читали и будутъ читать.

III.

Давно уже критика единогласно отмѣтила, какъ весьма характерную особенность Карлейля,—его свойство отдавать предмету, занимающему его, всю полноту своего вниманія. Слѣдовало бы только добавить: и полноту чувства.

Для него мелочей, неважныхъ вещей, повидимому, не существовало. Подобно другому могучему уму—Леонардо-да-Винчи—онъ въ деталяхъ искалъ и находилъ важное и существенное. Леонардо-да-Винчи училъ всматриваться въ каждый листокъ на деревѣ, потому что каждый листокъ индивидуаленъ и другого такого точно—въ природѣ уже нѣтъ; Карлейль съ жаднымъ вниманіемъ, съ восторгомъ художника воссоздавалъ историческія индивидуальности,—воссоздавалъ ихъ съ удивительной яркостью и жизненностью по мелкимъ, часто пренебрегаемымъ мелочамъ, оставшимся отъ нихъ въ архивахъ, въ мемуарахъ, въ людской памяти. Это свойство его, какъ историка, давно замѣчено критикою и оцѣнено. Но полнота вниманія у него сопровождалась и тѣмъ напряженіемъ чувства, тою высотой и тѣмъ единствомъ внутренняго, душевнаго интереса, которыя поддѣлать нельзя и которыми писатель захватываетъ читателя. Для Карлейля исторія человѣчества, въ сущности, сводилась къ исторіи героевъ, отдѣльныхъ гигантовъ, вождей людского племени. Ничего не можетъ быть болѣе ошибочнаго, какъ подобное воззрѣніе, ничего не можетъ быть менѣе научно и болѣе произвольно. И однако, мы хотѣли бы, чтобы наша учащаяся молодежь почаще читала и книгу Карлейля о герояхъ, и другія его историческія книги: рѣдко что даетъ болѣе бодрящее впечатлѣніе, рѣдка работа болѣе возбуждаетъ дальнѣйшій интересъ, дальнѣйшую любознательность относительно описываемыхъ событій и личностей; рѣдко что, наконецъ, болѣе будитъ и просвѣтляетъ философское самосознаніе. Ошибочность его только что упомянутаго воззрѣнія выяснится очень скоро для всякаго, кто хоть немного поинте-

рисуется современнымъ состояніемъ соціологіи и философіи, исторіи, — а ужь кто прочтетъ Карлейля съ тѣмъ внутреннимъ участіемъ, о которомъ мечталъ, котораго ждалъ отъ своего читателя этотъ замѣчательный человѣкъ, — тотъ ни историческаго, ни философскаго чтенія не броситъ. Ошибка Карлейля — отпадетъ, а чистое золото его мыслей — останется. Его историческія книги (кромѣ, можетъ быть работы о Кромвелѣ) нельзя читать безъ знанія фактовъ и датъ: это лирическія импровизаціи, — какъ ихъ назвалъ одинъ критикъ, — негодующая, горюющая, саркастическая или пророческая рѣчь на историческую тему. И замѣчательно: полнота чувства, о которой мы говорили, не покидаетъ его ни на минуту, — прочитывается глава за главой, томъ за томомъ, — и кончаешь книгу, съ изумленіемъ констатируя, что ничего отдаленно похожаго на фальшь, на аффектацію и актерство — тутъ нѣтъ. Съ изумленіемъ, — потому что почти одинаковая, равномерна высокая напряженность чувства свойственна, обыкновенно, только небольшимъ литературнымъ произведеніямъ, а вовсе не многотомнымъ (вродѣ, на примѣръ, его исторіи французской революціи). За страшную силу чувства, за всегда одинаковую его искренность, за умѣнье всему — и важному, и, на первый взглядъ, неважному придать серьезный, чуть не первостепенный интересъ — его тоже любили и любятъ; такъ же, добавимъ, какъ и за ту огромную цѣну, которою онъ цѣнилъ человѣка, его индивидуальность и его личное творчество. Въ этой огромной цѣнѣ было нѣчто посильнѣе того, что обозначается захватаннымъ терминомъ «гуманность»; въ этой цѣнѣ было безповоротное и безпощадное осужденіе всего, что такъ или иначе индивидуальность человѣка, его «свободную душу» ломаетъ, калѣчитъ или пригнетаетъ. Никакимъ абстрактностямъ, условностямъ, никакимъ отвлеченнымъ могуществомъ, существующимъ въ силу безмолвнаго соглашенія или въ силу обычая и т. п., — не прощаль онъ зла, причиненнаго личности человѣка. И въ этомъ тоже съ нимъ не соглашались, — но и это сыграло свою роль въ его популярности: въ XIX вѣкѣ «реставраторовъ» правъ личности любили, — и въ XX-мъ ихъ пока тоже еще не успѣли разлюбить. Важнѣе всего было явно не головное, не разсудочное происхожденіе карлейлевскаго возвеличенія человѣческой индивидуальности: подобно всѣмъ его основнымъ идеямъ, — и эта тоже вышла у него не изъ головы, а изъ сердца, и поэтому она не фигурируетъ въ его произведеніяхъ въ качествѣ доказываемаго тезиса или развиваемой темы, — а проникаетъ ихъ, составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ содержанія. Нетерпѣливый, раздражительный, безпощадный умъ его такъ же быстро открывалъ ложь и лицемеріе

какъ развитое эстетическое чувство открываетъ неумѣстную асиметрію или иную художественную фальшь тамъ, гдѣ для обыкновеннаго глаза все обстоитъ хорошо. Онъ всю жизнь свою, на примѣръ, прожилъ съ глубочайшимъ убѣжденіемъ, что христіанское ученіе, исповѣдуемое его соотечественниками, категорически непримиримо съ традиціонной (смитовскою) политической экономіей, тоже признававшейся очень многими его современниками за непогрѣшимую истину. Онъ говорилъ, что религія въ Англіи сохраняется для воскресныхъ дней, а отрицающая ее начисто политическая экономія—для дней будничныхъ. Далѣе, онъ былъ увѣренъ, что лицемѣріе до такой степени насквозь проѣло общественную жизнь, что улучшеніе пенитенціарнаго режима, другія проявленія такъ называемаго смягченія правовъ—суть не болѣе, какъ плоды сознанія общества въ неисправимой и безнадежной несправедливости собственныхъ основъ. Эти и тому подобныя мысли, которыхъ мы не касаемся въ нашей краткой замѣткѣ, встряхивали и беспокоили, но приковывали къ себѣ вниманіе больше самыхъ грозныхъ декламаций и филиппикъ,—ибо не позволяли опочить на палліативахъ, на «соціальныхъ примочкахъ и компрессахъ».

IV.

Таковы нѣкоторыя характерныя черты содержанія карлейлевскихъ работъ. Форма ихъ тоже была способна возбудить сначала любопытство, потомъ вниманіе, а иногда сильнѣйшій интересъ. Карлейль—художникъ слова, и художникъ удивительно оригинальный; онъ остается художникомъ не только когда ведетъ рѣчь о событіяхъ и герояхъ исторіи, но и когда излагаетъ свои мысли о міровыхъ тайнахъ, о вѣчныхъ философскихъ вопросахъ. Это не только образный языкъ, а нѣчто большее: ему трудно излагать свои и чужія мнѣнія, спорить, доказывать,—не прибѣгая къ формѣ разговора, не вводя вымышленныхъ лицъ, иногда съ цѣлыми ихъ біографіями,—или не набрасываясь на читателя съ горячими, какъ бы лично къ нему обращенными упреками, недоумѣніями, ироніей, иногда отчаяніемъ. Карлейль удивительно субъективенъ,—и субъективенъ именно какъ художникъ; онъ часто и не дорисовываетъ начатаго образа, а бросаетъ его на полунамека, какъ будто не заботясь, что читатель можетъ и не угадать до конца начатую и неоконченную картину. Онъ, по глубокому замѣчанію своего друга и біографа, знаменитаго историка Фруда, мало вѣрилъ въ науку, въ ея непогрѣшимость; можно сказать, что онъ вообще мало вѣрилъ въ могущество и въ цѣлительныя свой-

ства одного лишь ума, интеллекта,—въ дѣлѣ излеченія общественныхъ язвъ. На Джона Стюарта Милля онъ смотрѣлъ какъ на «машину», вырабатывающую правила логики, — и именно поэтому считалъ его автобіографію не особенно поучительною и интересною: онъ, Карлейль, до гробовой доски, казалось, сохранилъ убѣжденіе, что не логика двигаетъ исторію, не логика управляетъ и жизнью отдѣльныхъ лицъ; что, къ счастью или несчастью,—логика и въ исторіи, и въ біографіи играетъ роль какой-то Сандрильоны. А для него, и какъ для философа, и какъ для прирожденнаго художника, нужна была человѣческая индивидуальность во всей полнотѣ ея свойствъ, нужны были всѣ тоны и всѣ краски жизни,—вотъ почему автобіографическій рассказъ логичнаго и логично жившаго Джона Стюарта Милля казался ему нетипичнымъ, непоучительнымъ и неинтереснымъ.

У Карлейля было много капризовъ; его чувство безраздѣльно руководило его симпатіями и антипатіями; но, какъ уже было нами замѣчено, самое то чувство его было глубоко искренне, требовало правды, негодовало на несправедливости, срывало самыя благообразныя и прочно надѣтыя маски, вскрывало ложь тамъ, гдѣ она считала себя въ самой уютной безопасности. Капризы и неровности въ сужденіяхъ Карлейля всегда начинались съ впечатлѣнія, съ ощущенія, съ реакціи чувства,—какъ и всѣ вообще его сужденія. Но могучій, безпокойный, часто фантастичный умъ его углублялъ и расширялъ, осмысливалъ и развивалъ эти первоначальныя ощущенія, а такъ какъ работа этого ума была порывисто сильна, то правильныя его сужденія раскрывались предъ читателемъ во всей своей красотѣ,—ошибки и капризы чувства доводились также до кричащихъ размѣровъ и этимъ самымъ обезвреживались. Вообще, кто будетъ читать Карлейля, тотъ очень скоро потеряетъ охоту педантично отдѣлять и отмѣчать правильныя и неправильныя, логичныя и фантастичныя мнѣнія его; съ нимъ, какъ съ Ницше,—его нужно читать всего, брать его цѣликомъ со всѣми недостатками и достоинствами. Только тогда его оцѣнишь, какъ цѣльное художественное впечатлѣніе, какъ значительный вкладъ въ міросозерцаніе. Употребляя французское официальное выраженіе,—Карлейля со всѣми его неровностями, капризами, противорѣчіями, художественными образами и потретами, со всѣми его глубокими философскими мыслями и нерѣдкими загадочностями,—можно назвать единымъ и нераздѣльнымъ—«un et indivisible».

Свобода въ умственной жизни, справедливость въ людскихъ отношеніяхъ, огромность цѣны человѣческой жизни, руководящая, «дѣлающая исторію» сила индивидуальныхъ героевъ,—гнусность и тщета вся-

кого лицемѣрія и въ частной, и въ общественной жизни—вотъ основныя мысли Карлейля; пригнетеніе человѣка предъ страшными міровыми тайнами, которыя можно стараться забыть подъ разными предлогами, но отъ которыхъ нельзя навсегда спастись,—вотъ что даетъ общую окраску его философіи: наконецъ, художественность и потрясающій паѳосъ выраженія, паѳосъ, который былъ бы смѣшенъ при *одной* только фальшивой ноткѣ, и который подавляюще силенъ своею безграничною искренностью, вотъ что ставитъ Карлейля въ первые ряды литературныхъ дѣятелей.

По замѣчанію многихъ, у насъ въ Россіи за послѣдніе годы родился читатель, который любитъ и цѣнитъ серьезную книгу, который справедливо полагаетъ, что безъ разносторонней культуры ума,—онъ слабъ и безпомощенъ даже въ любой, болѣе или менѣе специальной дѣятельности. Привѣтствуя появленіе такого читателя, мы убѣждены, что онъ и въ Карлейлѣ найдетъ для себя полезное; что читая Карлейля, онъ можетъ повторить о немъ слова, которыми, умирая, характеризовалъ себя суровый и несчастный римскій первосвященникъ еще въ темную ночь среднихъ вѣковъ; Карлейль тоже всегда «любилъ истину и ненавидѣлъ беззаконіе»...

Евг. Тарле.